

рассказывали все съ прибавлениемъ пишущихъ подробностей.

О, какъ ненавидѣла она это общество, гдѣ низкая порочность, въ лести и чести, гордо подымала чело, а ея паденія, столь извиняемаго со всѣхъ сторонъ, ожидали, какъ зрелица, надъ которымъ всякой можетъ издѣваться. Слишкомъ гордая, чтобы позволить этимъ людямъ запятнать свое имя, она укрѣпилась въ своей геройской покорности и рѣшилась, хотя бы цѣной жизни, принести эту жертву. Сколько душевной силы надо было ей, чтобы довести свое рѣшеніе до конца. Раньше лучъ надежды оживлялъ ея горькія жалобы; теперь она страдала безвыходно, безнадежно... Этотъ воожделѣнныи языкъ—она должна была стараться скрыть его; языкъ, который она въ ту ночь освятила слезами, былъ теперь точно краденнымъ сокровищемъ, точно украшенiemъ, созданнымъ для нея, но не на показъ: она должна была снимать его при другихъ и, какъ убогая, подвергаться ихъ сожалѣнию. Теперь ея мученіемъ было—держать скрытымъ слово, рвущееся наружу, упоенное свободой, милое, безцѣнное, слово, трепавшее на ея устахъ, страшное, ужасающее слово, сдавливавшее ей горло и сквозь зубы рвущееся наружу.

Вся отрада, вся награда ея заключалась въ томъ, что иногда она запиралась сама въ комнатѣ и говорила; она говорила сама съ собой, съ мебелью, картинами, со стѣнами и съ поломъ: она пьянѣла отъ звуковъ